

Автор, наборщик, корректор и редактор в работе над прижизненными изданиями «Зависти» Ю. К. Олеси

Когда подумаешь о том, чему придется
подвергаться со стороны так называемых
внутренних редакторов, то кроме «не надо»
других слов в душе нет.

Не надо!¹

Из письма Ю. К. Олеси В. О. Перцову
[РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 631: 1]

В 1927 г., после пяти лет работы, в течение которых Ю. К. Олеша неоднократно менял список персонажей и сюжет своего произведения, наконец состоялась публикация «Зависти». Желание напечатать роман начинающего писателя — но уже известного фельетониста — возникло у главного редактора «Красной нови» Ф. Ф. Раскольникова сразу после публичного чтения произведения автором у В. П. Катаева (Мыльников переулоч, 4 — 2а):

Главный редактор был в таком восторге, что вцепился в рукопись и ни за что не хотел ее отдать <...> был неумолим и при свете утренней зари, так прозрачно и нежно разгоравшейся на расчистившемся небе, умчался на своей машине, прижимая к груди драгоценную рукопись [Катаев 2014: 426].

Еще 10 лет назад было принято считать, что той ночью Олеша читал роман, текст которого не отличался от опубликованного в «Красной нови», т. е. полагали, что Раскольников напечатал рукопись, не внося в нее никаких изменений. Однако в 2006 г. в кандидатской диссертации «Роман Ю. К. Олеси “Зависть”: история создания; опыт научного комментария» А. М. Игнатова сообщила об обнаруженном ею среди хранящихся в РГАЛИ черновиков к «Зависти» «новом варианте финальной сцены романа» [Игнатова 2006: 6].

¹ Здесь и далее сохранена пунктуация источника.

Напомним, что в хорошо знакомой читателям и появившейся уже в «Красной нови» редакции «Зависти» за эпизодом с описанием футбольного матча следуют еще три главы, и роман заканчивается монологом Ивана Бабичева с финальными словами: «Пейте. За равнодушие. Ура! За Анечку! И сегодня, кстати... слушайте: я... сообщу вам приятное... сегодня, Кавалеров, ваша очередь спать с Анечкой. Ура!» [Олеша 1956: 128].

Позволим себе целиком процитировать обнаруженный Игнатовой финальный фрагмент (на футболе), где Кавалеров видит Валу, борющуюся с ветром, и размышляет о ее недоступности, затем следует такая сцена:

Платье ее бежало — точно писало по ветру.

Она узнала его. От смущения она разом как бы отекала, у нее припухли лунки под глазами.

Кавалеров ударил ее по лицу.

Голова ее дернулась от удара. Медальон взлетел с шеи, вспорхнул и зацепился в волосах, как золотая миндалина.

Кавалеров схватил ее за волосы и рванул к себе. Медальон попал к нему в ладонь, он дернул цепочку, натянув ее и почти видя мгновенно возникающий на Валиной шее след, похожий на резинку.

Пока Валя падала, он успел запустить пальцы под рукав ее, на плече, — и она повисла. Он поддержал ее другой рукой, чувствуя складность ее, и разорвал платье.

Он поднял ее, накинув ее на лицо, — с рыданием встречая щеками, носом, яблоками глаз, губами, каждой порой своей чистоту ее откровенного тела [РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 18: 107—108].

На этом, по мнению Игнатовой, заканчивался роман, однако единственное основание для такого вывода — то, что на этом месте посередине листа заканчивается машинопись. Для признания сцены финальной этого недостаточно, и мы решили привлечь дополнительный источник, который мог бы дать хотя бы косвенное подтверждение этой версии. Обнаружить такой источник не составляет труда: в РГАЛИ сохранился набросок письма Олешки к «истинному» редактору Раскольникову (И. Б. Озерная и Игнатова полагают, что «Зависть»

планировал опубликовать А. К. Воронский, в то время уже отошедший от дел в редакции «Красной нови»). Из этого письма следует, что Олеша хотел напечатать свой роман без изменения финала, в котором, как мы видели, он отдавал Валю в руки Николая Кавалерова, однако редактор настоял на переработке текста. Олеша пишет:

Многоуважаемый
Федор Федорович!

Я сделал кое-какие исправления. Но снова взываю к Вам: примите все-таки первую редакцию вещи — с тем концом, который был у меня (со сценой на футболе). Я готов защищаться как угодно, готов (текст не дописан автором. — А. К.) [РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 641: 1].

Таким образом, мы видим пример первого вмешательства в текст романа со стороны одного из участников издательского процесса — редактора. Отметим, что в РГАЛИ хранится рукопись, на титульной странице которой Олеша ставит датировку: «Полный черновик Зависти 1927 Февраль — Июнь — Москва» [РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 17], — а также процитированная выше машинопись [см.: РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 18], тексты которых несколько отличаются как друг от друга, так и от опубликованного в «Красной нови». Эти отличия описаны в диссертации Игнатовой, поэтому останавливаться на них здесь не имеет смысла. Скажем лишь, что других работ, в которых хотя бы упоминались проблемы текстологии прижизненных изданий «Зависти», не существует.

Через год после публикации в «Красной нови» роман выходит отдельной книжкой с рисунками Н. И. Альмана в издательстве «Земля и фабрика», причем благодаря хорошему спросу книгу вскоре пришлось допечатать. Мы можем утверждать, что первое издание, *Олеша 1928а*, вышло не ранее 12 января и не позднее 14 февраля 1928 г. тиражом 6 000 экземпляров, а второе, *Олеша 1928б*, — не ранее 20 мая тиражом 4 000 экземпляров². Второе издание явилось реакцией на дефицит первого и никак от него не отличалось. В финале романа здесь, как и в последующих изданиях, воспроизводится

² Издания *Олеша 1928а* и *Олеша 1928б* стереотипные, поэтому далее сокращение *Олеша 1928а* отсылает к любому из этих изданий.

текст, опубликованный в «Красной нови», т. е. Олеша больше не возвращался к первоначальному замыслу концовки.

Для этого первого отдельного издания в 1928 г. была осуществлена множественная стилистическая правка текста, произведенная, вероятно, самим Олешей. Однозначно судить о том, кому принадлежала эта правка, мы все-таки не можем, поскольку не сохранилось авторских или корректорских рукописей, гранок или каких бы то ни было обсуждений правки в переписке Олеша с сотрудниками различных издательств. Здесь же заметим, что это относится и ко всем последующим изданиям.

Среди таких примеров стилистической правки, как замена одного слова другим, более благозвучным («Ничто не предсказывало скандала» — «...не предвещало скандала»), можно обнаружить множество весьма интересных случаев. Приведем один пример. В самом начале романа есть следующая сцена:

Гарун-аль-Рашидом посетил он (Андрей Бабичев. — А. К.) одну из кухонь в украинном, заселенном рабочими доме. Он увидел копоть и грязь, бешеные фурии носились в дыму, плакали дети. На него сразу набросились. Он мешал всем — громадный, отнявший у них много места, света, воздуха. Кроме того, он был с портфелем, в пенсне, элегантный и чистый. И решили фурии: это, конечно, член какой-то комиссии. Подбоченившись, задирали его хозяйки [Олеша 1956: 29].

В черновиках к роману и в *Олеша 1927* сохранилось опущенное здесь предложение, в котором заострялась социальная проблематика 1920-х гг.: «И решили фурии: это, конечно, член какой-то комиссии. А комиссии только обещают, и не дают. Подбоченившись, задирали его хозяйки» [Олеша 1927: № 7, 66]. Точно определить, является ли этот случай примером цензурной, автоцензурной или стилистической правки, не представляется возможным.

Стоит отметить, что в *Олеша 1928а* и во всех последующих изданиях не воспроизведены названия двух частей романа: «Записки» и «Заговор чувств». Кроме того, здесь существенно переработан лишь один эпизод — сцена пира Андрея Бабичева о случае выпуска им нового сорта колбасы с риторическим обращением к «новому Тьеполо»:

<i>Олеши 1927: № 7, 83</i>	<i>Олеши 1928а: 38—39</i>
<p>Новому Тьеполо только и нужно было бы увидеть пир этих четырех. Лучших пирующих персонажей для увековечения новой эпохи, чем эти четыре, не стоило бы и отыскивать. Они сидели под яркой стосвечевой лампой вокруг стола, оживленно беседующие и показывающие кто профиль, кто фронтон своей фигуры, один без пиджака в лионезовой сиреневой сорочке (Бабичев), другой — в широком, как бассейн, крахмальном воротнике (Шапиро) — кто в чесуче, кто в виде рыбака — в сетке, придающей молодому корпусу женственную таинственность очертаний.</p> <p>И будущий посетитель музея, остановившись перед полотном, изображающим «пир хозяйственника», долго ломал бы голову над тем, каков характер беседы, о чем с таким вдохновением говорит этот тучный гигант в синих подтяжках, держа на вилке кружок колбасы, которому давно пора исчезнуть во рту говорящего, и который никак не может исчезнуть, потому что говорящий слишком увлечен своей речью.</p>	<p>Новый Тьеполо! Спеши сюда! Вот для тебя пирующие персонажи... Они сидят под яркой стосвечевой лампой, вокруг стола, оживленно беседуют. Пиши их, новый Тьеполо, пиши «Пир у хозяйственника»!</p> <p>Я вижу полотно твое в музее. Я вижу посетителей, стоящих перед картиной твоей. Они ломают голову, они не знают, о чем с таким вдохновением говорит написанный тобою тучный гигант в синих подтяжках... На вилке держит он кружок колбасы. Уже давно пора исчезнуть кружку во рту говорящего, и он никак не может исчезнуть, потому что говорящий слишком увлечен своей речью. О чем говорит он?</p>

Впоследствии «Зависть» перепечатывалась девять раз, в том числе единожды за границей. Все дальнейшие издания романа в той или иной степени отражают вариант *Олеши 1928а*, и среди них, кроме *Олеши 1928б*, есть еще несколько случаев стерео-

типного его воспроизведения, а именно: *Олеша 1929б*, *Олеша 1930*, *Олеша 1931а* и *Олеша 1931б*. Следовательно, нас интересуют только семь прижизненных изданий: *Олеша 1927*, *Олеша 1928а*, *Олеша 1929а*, *Олеша 1933*, *Олеша 1935*, *Олеша 1936* и *Олеша 1956*.

Текстуальные расхождения нестереотипных прижизненных изданий можно разделить на две группы:

- а) 78 очевидных опечаток,
- б) 297 собственно разночтений, признать которые опечатками не представляется возможным.

Среди исправленных к 1956 г. опечаток, речь о которых здесь не пойдет, все же есть одна настолько пикантная, что мы не можем не включить ее в обзор. Конечно, в романе, начинающемся с эпатирующей читателя фразы: «Он поет по утрам в клозете», — можно встретить что угодно, но *Олеша* планомерно и тщательно работал над стилем своего произведения, и все же, думается, он по достоинству оценил бы реплику Кавалерова, произнесенную в пивной в пылу негодования: «Ваше лицо представляет собой упряжку. Щеки стянуты морщинами, — и не морщины это, а вожжи; подбородок ваш — вол; нос — возница, больной проказой, а остальное — поклажа навозу...» [*Олеша 1929а*: 11]. Конечно, здесь подразумевается раздельное написание последнего слова: «на возу», которое было восстановлено лишь в *Олеша 1935*.

В результате сопоставления текстов обозначенных семи изданий нами были выявлены 32 опечатки, не исправленные при подготовке последней прижизненной публикации или допущенные непосредственно в *Олеша 1956*. Заметим, что большая часть всех опечаток тем или иным образом оказывается связанной с «чудотворцем XX века» Иваном Бабичевым. Многие из них представляют интерес, поскольку порой способны изменить смысл фразы на прямо противоположный. Так, в четвертой главе второй части романа Иван Бабичев говорит Кавалерову: «Вам повезло. Вы не знаете в лицо завоевателя. У вас есть конкретный враг. И у меня тоже» [*Олеша 1956*: 94]. Вставка частицы «не», которой ранее не было ни в одном издании, делает это предложение контекстуально бессмысленным и требует исправления.

В пятой главе первой части Иван Бабичев впервые появляется в романе, приходит под балкон к своему брату. В *Олеша 1956* читаем слова Кавалерова: «Он (Андрей Бабичев. — А. К.) выходит на балкон. Я подхожу к окну. Оба мы смотрим на улицу. Темнота. Только окнами кое-как освещена мостовая. Посредине стоит маленького роста широкоплечий человек» [*Олеша 1956*: 37]. Казалось бы, ничего странного в этом отрывке нет, однако если мы обратимся к предшествующим последней прижизненной публикации изданиям, то обнаружится, что в *Олеша 1933* герой почему-то называется «широконогим». Такой вариант возник вследствие неверно прочитанного в *Олеша 1928а* и *Олеша 1929а* «широконький» (в *Олеша 1927* — «широкенький»).

Интересная история связана и с героиней вставной новеллы о «скромном полевом колокольчике» Лилей Капитанаки, фамилию которой рассказчик Иван Бабичев поначалу никак не может припомнить:

Студент, по фамилии Шемиот, ухаживал за барышней... а вот хуже — барышниной фамилии не помню... Позвольте... позвольте... скажем, Лиля Капитанаки звали барышню, по-козьи стучавшую каблуками [*Олеша 1956*: 77].

Синтаксическая конструкция «а вот хуже — барышниной фамилии не помню...» вызывает некоторое недоумение. В *Олеша 1929а* обнаруживаем следующий пассаж: «а вот хуже барышниной фамилии не помню...». Очевидно, корректор *Олеша 1956* хотел избежать иллюзии оценочного суждения героя и поставил тире. В действительности, конечно, Иван Бабичев не имел ничего против фамилии Капитанаки: в *Олеша 1928а* этот фрагмент имеет вид «а вот уже барышниной фамилии не помню...», а в *Олеша 1927* — «а вот уж барышниной фамилии не помню...».

При переиздании романа метаморфозы происходили и с Андреем Бабичевым (конечно, не без участия в сюжете его брата). Поднимаясь на трибуну «Четвертака» в другой вставной новелле («Сказке о двух братьях»), он «двигался над толпой, очень цветной и блестящей, вроде как жестяной, похожей

на электрическую фигурку» [Олеша 1956: 104]. При обращении к претекстам оказывается, что средний брат Бабичев здесь «поблек». Процитированный вариант появился в *Олеша 1933* и был повторен во всех последующих изданиях, однако в *Олеша 1927* — *Олеша 1929a* находим: «Бабичев двигался над толпой очень цветной и блестящий, — вроде как жестяной — похожий на электрическую фигурку» [Олеша 1927: № 8, 2]. Вследствие изменения написания (вместо «жестяной» — «жестяной») возникла неоднозначность, а трансформация пунктуации («...двигался над толпой, очень цветной и блестящий...») лишь подкрепила возникший перенос качеств героя на толпу.

Не мог не повлиять Иван Бабичев и на своего ближайшего сподвижника, Николая Кавалерова. Читатель, взявший в руки издание *Олеша 1929a* и ознакомившийся с текстом седьмой главы второй части, наверняка должен был удивиться, прочитав следующий отрывок, в котором оба персонажа пришли наблюдать за Валею из укрытия и увидели приближающегося «великого колбасника, кондитера и повара»:

Он отряхнул и побежал вдоль глухой стены в обратную сторону от амбразуры, пачкая плечо о камень.

— Куда вы! — звал его Иван. — Куда вы удираете, подождите!

«Он громко кричит! Они слышат! — ужасался Кавалеров. — Они меня увидят!»

Действительно, за стеной стало резко тихо. Там прислушивались. Иван догнал Кавалерова.

— Слушайте, милый мой... Видели? Это мой брат! Видели? Володя, Валя... Все! Весь лагерь... Подождите, я сейчас влзу на стену и обругаю их... Вы испачкались, Кавалеров, как мельник! [Олеша 1929a: 87].

Что отряхнул Кавалеров? Почему он снова испачкался? Для того чтобы как-то исправить эти противоречия, наборщик (или корректор, или редактор) *Олеша 1933* заменяет «отряхнул» на «отряхнулся», сохранившееся вплоть до *Олеша 1956*, однако пролить свет на истинное положение дел помогают тексты изданий *Олеша 1927* и *Олеша 1928a*. В действительности Кавалеров не отряхнул и снова испачкался и даже не отряхнулся — он «отпрянул».

Рядом с Иваном Бабичевым даже предметы меняли свои свойства. Например, освежеванная виолончель стала «освеженной» [Олеша 1956: 93], однако мы не можем более позволить себе так подробно описывать все опечатки, выявленные в текстах прижизненных изданий. Приведем лишь еще несколько интересных случаев:

Напечатано		Следует	
Что	Где (ч./гл.)	Что	По изд.
Вы, сидящие справа под пальмочкой, — урод номер первый.	1/IV Олеша 1929а — Олеша 1956	сидящий	Олеша 1927, Олеша 1928а
Головы и бараньи ножки... перерабатываются на... кости разнообразных изделий...	1/VII Олеша 1933 — Олеша 1956	кости <u>для</u> разнообразных изделий	Олеша 1927 — Олеша 1929а
Вот я стою на высотах, озирая сползающую армию! Ко мне!	2/II Олеша 1929а, Олеша 1933, Олеша 1956	сползающуюся	Олеша 1927, Олеша 1928а
Сползайте, воинство!	2/II Олеша 1956	Сползайся	Олеша 1927 — Олеша 1936
Гецкэ... погнал мяч... высчитывая скорость направления и срок удара.	2/VIII Олеша 1929а — Олеша 1956	<u>скорость</u> , направление и срок	Олеша 1927, Олеша 1928а
Ну! — невольно и удивленно крикнул Бабичев.	2/IX Олеша 1956	недовольно	Олеша 1927 — Олеша 1936

Среди разночтений, которые мы не можем признать несомненными опечатками, поскольку они не вызывают контекстуального конфликта значений, выделяется характерное явление, заслуживающее особого внимания; оно отражено главным образом

в *Олеши 1929а*. Мы условно называем это явление борьбой с суффиксами, которая в подавляющем большинстве случаев представляет собой относительно последовательное исключение из текста диминутивов: в 10 случаях из 17 здесь «человечек» заменяется на нейтральное слово «человек», причем в девяти из них речь идет об Иване Бабичеве. Возможно, это автоматическая замена наборщика по аналогии, поскольку слово «человек» в тексте встречается довольно часто. Возможно также, что это политика редактора, стремящегося к так и не достигнутому единообразию, однако сведения о его работе и личности пока не обнаружены. При анализе общей картины разночтений по *Олеши 1929а* у нас сложилось мнение, что наборщик «Зависти» заменял незнакомые слова и выражения на более понятные: «куб люка» на «клуб люка», «линейного рабочего» на «литейного рабочего», «купы листвы» — «куполы листвы»; вспомним и про «отпрянул», замененное здесь на «отряхнул»...

Кроме того, в *Олеши 1929а*, возможно, в рамках все той же борьбы с суффиксами, еще в одном случае «розовая ладонь» заменяется на «розовую ладонь». В *Олеши 1933*, экземпляр которого, вероятно, Олеша относил в Публичную библиотеку 10 января 1956 г. с просьбой набрать по нему текст «Зависти» для «Избранных сочинений» [см.: РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 672: 11], также есть случаи борьбы с суффиксами, однако они непоследовательны и, скорее всего, являются ошибками наборщика. Приведем полный список: «из городка» — «из города», «картинка» — «картина» (в значении «зрелище»), «в кастрюльке» — «в кастрюле» и «перекладинками» «перекладинами». Только в *Олеши 1936* встречается одинокая, не отраженная в других изданиях замена «человечка» на «человека», однако, по всей видимости, это случай очередной ошибки наборщика. Повторим, что поскольку не сохранилось рукописей, отражающих правку или ее отсутствие, эти рассуждения остаются, к сожалению, гипотетическими.

Кроме того мы можем смело выделить очевидные случаи вмешательства корректоров — в первую очередь это относится к двум предпоследним прижизненным изданиям *Олеши 1935*, *Олеши 1936*, над которыми корректоры точно трудились: их имена указаны в вы-

ходных сведениях. Приведем примеры таких случаев в таблице.

Гл. ³	1 <i>Олеша</i> 1927	2 <i>Олеша</i> 1928а	4 <i>Олеша</i> 1929а	9 <i>Олеша</i> 1933	10 <i>Олеша</i> 1935	11 <i>Олеша</i> 1936	12 <i>Олеша</i> 1956
II	печь все хлеба	1	1	1	1	хлебы	1
II	объединит все... примуса	1	1	1	примусы	9	1
III	ищет в этажерке	1	1	1	на этажерке	9	1
IV	самоуничжение	1	1	1	1 ⁴	самоуничжение	1
IV	лицом на решетке	1	1	1	решотке	9	1

С последним прижизненным изданием ситуация осложняется тем, что переписка с редакцией сохранилась (один из примеров мы приводим в эпиграфе к этой статье), и из нее следует, что Олеша обсуждал правку с редактором Перцовым, а значит, возможно, давал свое согласие на какие-либо изменения в тексте. Однако словам и решениям автора также не всегда следует доверять.

В целом все описанные и не описанные здесь разночтения настолько мелкие, что можно признать их возникновение результатом ошибок наборщиков или не всегда оправданного вмешательства корректоров, однако такое решение предстоит

³ Все примеры из первой части романа.

⁴ В тексте, как и в *Олеша 1927*, — «самоуничжение», однако в списке опечаток, приложенном к изданию, указано, что следует читать «самоуничжение».

принимать непосредственно издателю произведения. Нашей же задачей на данный момент было формирование списка разночтений и указание на проблемы, с которыми может столкнуться исследователь, решивший заняться установлением основного текста романа «Зависть».

СОКРАЩЕНИЯ

Олеша 1927 — *Олеша Ю. К. Зависть // Красная новь. 1927. № 7. С. 64—101; № 8. С. 3—46.*

Олеша 1928а — *Олеша Ю. К. Зависть. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 144 с., 6 000 экз.*

Олеша 1928б — *Олеша Ю. К. Зависть. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 144 с., 4 000 экз.*

Олеша 1929а — *Олеша Ю. К. Зависть. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 104 с. (Б-ка совр. писателей; № 5).*

Олеша 1929б — *Олеша Ю. К. Зависть. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 144 с.*

Олеша 1930 — *Олеша Ю. К. Зависть. 2-е изд. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. 144 с.*

Олеша 1931а — *Олеша Ю. К. Зависть. 3-е изд. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 125 с.*

Олеша 1931б — *Олеша Ю. К. Зависть. Берлин: Книга и сцена, 1931. 141 с.*

Олеша 1933 — *Олеша Ю. К. Зависть. М.: Советская литература, 1933. 164 с.*

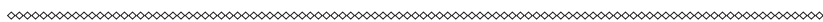
Олеша 1935 — *Олеша Ю. К. Зависть // Избранное. М.: Гослитиздат, 1935. С. 11—123.*

Олеша 1936 — *Олеша Ю. К. Зависть // Избранное. М.: Гослитиздат, 1936. С. 11—123.*

Олеша 1956 — *Олеша Ю. К. Зависть // Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1956. С. 25—128.*

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Андрей Кокорин (Санкт-Петербург)



Игнатова 2006 — *Игнатова А. М.* Роман Ю. К. Олеси «Зависть»: история создания; опыт научного комментария: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Катаев 2014 — *Катаев В. П.* Алмазный мой венец. М.: ПРОЗАиК, 2014.